

ПРОЧТЕНИЯ

Ю.В. Красовицкая

МОТИВ ОБНОВЛЕНИЯ В ДРАМЕ Э. ТОЛЛЕРА «ПРЕВРАЩЕНИЕ»

Драма Э. Толлера «Превращение» затрагивает проблему обновления человека, которое осуществляется через возвращение к его первоначальной неиспорченной природе и одновременно через усиление его значимости в мире, как борца и жертвующего собой во благо других, подобно Иисусу Христу.

Ключевые слова: Толлер; «Превращение»; экспрессионизм; «новый человек»; обновление; религиозность; обмирщение

«Экспрессионизм существовал во все времена. Не было ни одной области, которая б не знала его, ни одной религии, которая бы его страстно не создавала. Не было ни одного племени, которое бы не воспевало и не воплощало с его помощью свое смутное религиозное чувство»¹. Так писал Казимир Эдшмид в своем небольшом сочинении «Экспрессионизм в поэзии» («Über den dichterischen Expressionismus»). Религиозность экспрессионизма, связанная, в первую очередь, с его духовностью подчеркивалась многими современниками и последующими исследователями. В то же время отношение к религии, к Богу было весьма не простым. Этот вопрос заслуживает отдельного внимания.

Экспрессионистам была близка «теология кризиса» – новое ответвление европейского протестантизма, появившееся в начале XX в. В соответствии с идеями наиболее ярких представителей этого учения – К. Барта, П. Тиллиха – Бог уже не мог быть лишь добрым утешителем, он воспри-

нимался как страдающий, жертвующий собой ради человечества. Всякий рационализм и материализм решительно отвергались, считалось, что истинный Бог познается только в самоотречении, в экстатическом самопожертвовании и даже в безумии.

В экспрессионизме человек нередко поднимался до уровня Бога и также принимал на себя роль страдающего, жертвующего собой ради других людей борца, спасителя и провидца. Подобное возвышение человека не может не указывать на безусловное и необратимое обмирщение культуры. Тем не менее, экспрессионисты не только возвращались в своих произведениях к религиозным представлениям и образам, но ставили их в центре внимания, ведь искусство воспринималось только как «этап на пути к богу»².

Непосредственно о человеке К. Эдшмид писал: «Каждый человек теперь не только индивидуум, связанный долгом, моралью, обществом, семьей. Он в этом искусстве становится не чем иным, как самым возвышенным и самым жалким – он становится человеком... Он не принадлежит к сверхчеловекам, он только человек, трусливый и сильный, добрый, подлый и прекрасный, такой, каким его бог создав, отпустил в мир... он может, все более вдохновляясь, достигать состояния высочайшего воодушевления, великий экстаз может возносить его душу. Он поднимается до пределов бога великой вершиной чувства, достичь которой можно лишь в неслыханном экстазе духа»³. Слабый и одновременно поднимающийся «до пределов бога» – таким предстает человек в произведениях экспрессионистов. Но и это, на первый взгляд, очевидное противоречие не исчерпывает проблему. Во многих произведениях речь идет об обновлении, о «новом человеке».

Идея обновления волновала экспрессионистов, в том числе, вследствие сложившейся исторической ситуации. Кризис, охвативший Европу и приведший к Первой мировой войне, свидетельствовал об истощении ста-

рой системы и необходимости срочных изменений в самых разных сферах жизни. Экспрессионисты очень быстро осознали весь ужас и катастрофичность войны. Она воспринималась многими как светопреставление. Мысли о конце света становились причиной частого обращения к библейским мотивам и сюжетам. Человек, в этой ситуации, воспринимался как страдалец, жертва. В то же время именно на него возлагались все надежды. В процессе внутреннего преобразования должен был появиться «новый человек». Именно он нередко становился главным героем в драмах экспрессионистов.

Несмотря на частое обращение к библейским мотивам, их восприятие и изображение в драматических произведениях значительно отличалось от того, как они были представлены в Священном Писании. На некоторые из произошедших изменений мне бы хотелось обратить внимание в данной статье. Хорошим примером для этого может послужить драма Э. Толлера «Превращение».

Прежде чем приступить к разбору драмы, приведу слова Дойблера: «Человек – это оболочка духовности. Его непрерывное страдание – гнездо, из которого вылетит звездное дитя, вечность» [«Der Mensch ein Gehäuse für Geistigkeit ist. Sein dauerndes Leid dazusein: ein Nest, aus dem das Sternkind die Ewigkeit erfliegen wird!»]⁴. Стесненный природными «физическими» рамками, человек таит в себе невероятный духовный «заряд», который жаждет сбросить все оковы, вырваться на свободу, пережить внутреннее превращение и обновление. Мотив прорыва, превращения становится одним из основных в драме Э. Толлера.

Слово, вынесенное в заглавие пьесы – «Wandlung» – происходит от глагола «wandeln», имеющего два значения: «изменять», «превращать» и «бродить», «странствовать». Интересно рассмотреть оба значения по отдельности.

Во-первых, необходимо отметить возникающую параллель. В религиозном контексте «Wandlung» является синонимом слова «Transsubstantiation» обозначающим превращение во время причастия освященных хлеба и вина в тело и кровь Христову. Таинство причастия означает благодатное приобщение души к высшей божественной природе и в ней к вечной жизни. Это добровольное принятие человеком божественной благодати.

Подобная коннотация дает право предполагать, что далее речь пойдет о духовном преображении и просветлении героев. Об обновлении в христианском понимании этого слова.

Второе значение глагола «wandeln» – «бродить, странствовать», несмотря на свою кажущуюся удаленность от первого, напрямую связано с ним. Иисус Христос сначала проходит долгий и трудный путь со своей проповедью, после чего его ожидает мучительный крестный путь. Кроме того само причащение также воспринимается как воплощение страстей Христовых. Добавление второго значения, таким образом, позволяет предположить, что далее речь пойдет не просто о просветлении человека через Божью благодать, но о преодолении ради преобразования ряда трудностей на своем пути.

«Борьба человека» [Das Ringen eines Menschen] – гласит подзаголовок, еще больше убеждающий в правильности высказанного предположения. В соответствии с учением апостола Павла (Галл 5:17) человек постоянно испытывает борьбу плотского и духовного. Эта мысль была подхвачена и отражена в «Исповеди» Августина Блаженного и в трудах протестантов. Будучи грешным по своей природе, человек вынужден постоянно преодолевать искушения плоти. Эта борьба не прекращается даже после духовного обновления. Таковую ли борьбу или что-то иное имел в виду автор – на этот вопрос в дальнейшем может ответить только сам текст.

Пьеса начинается со стихотворения, название которого – «Взбуждение» («Aufrüttelung») – уже говорит само за себя. Оно должно на-

рушить, «встряхнуть» спокойствие читателей, подготовить и в некоторой степени объяснить смысл разворачивающегося в дальнейшем действия.

Стихотворение можно без труда разделить на три части. В первой – лирическое «мы» погружено в состояние расслабленного созерцания: «Мы собираем сказки мягкими руками», а вокруг «вера образует храмы из солнечных лучей» (в этом описании ощущается зыбкость и нереальность веры), «из высоких сводчатых врат сыплются дары». Несмотря на кажущуюся идилличность картины, самые первые слова вносят оттенок тревоги – это призыв «разбей чашу из блистающих кристаллов, из которой жемчужно-тающие чудеса сыплются как кровавая пыль из темно-красных тюльпанов». И действительно, зыбкую идиллию нарушает отчаянный крик человека, превращенного в убивающего отвратительного зверя. Лирическому «мы» во второй части стихотворения открывается совсем другая картина – это истекающая грязью и ложью, окутанная дымом и отчаянием Европа, и в ней кричит человек.

В третьей части появляется «брат», наделенный знанием страдания и радости, света и презрения, он желает воздвигнуть храм высокой радости (новый храм!) и раскрыть ворота перед «высшим» страданием, в противовес тем вратам, с которых сыпались дары. Он готов к действию, к борьбе. «Дорогу!» – звучит его пламенный призыв.

В слове «брат» скрыто, как минимум, два значения. Это брат – идейный товарищ, – образ которого возник еще во времена Французской революции, и брат по вере, брат во Христе.

Действие предваряет еще один подзаголовок – «Вы есть путь» [Ihr seid der Weg]. Эта фраза не является цитатой из Библии, однако возникает ощущение непосредственной связи со Священным Писанием. В послании к римлянам апостол Павел восклицает: «Все совратились с пути, до одного негодны: нет делающего добро, нет ни одного... Они не знают пути мира. // Нет страха Божия пред глазами их» (Рим 3:12, 17-18). «Братья», обла-

дающие знанием, волей и состраданием, должны пойти новым путем, они сами есть путь. В Новом завете о «новом пути» сказано, что его открывает через плоть Свою, посредством Крови Своей, Иисус Христос (Евр 10:19-20). Это путь, который должен привести на небеса. Вера – есть путь к жизни. В драме речь идет о том, что происходит здесь и сейчас – на земле. Дорогу, новый путь прокладывают люди. Ожиданием нового проникнута вся пьеса. «Действие разыгрывается в Европе перед началом возрождения» [Die Handlung spielt in Europa vor Anbruch der Wiedergeburt], – уточняет сам автор⁵.

Война, схематично изображенная во второй части стихотворения, становится толчком и стимулом к обновлению – к отказу от всего старого зыбкого и сомнительного. С описания ее страшных плодов начинается действие пьесы.

Пролог драмы имеет весьма символическое название – «Казарма мертвых». После смерти должно последовать возрождение, однако тут же дается поправка – пролог, по замечанию самого автора, мог бы стоять и в самом конце драмы. Это доказывает лишь то, что вся драма является призывом, побуждением к действию и пробуждению, но не более того. Это не программное сочинение и не план, реализация которого должна что-то изменить. После завершения последней картины, ничего не меняется, все остается на своих местах.

Драма поделена на пролог (Vorspiel) и шесть частей (Stationen), которые включают в себя тринадцать картин (Bilder). Картины делятся на шесть «реальных» и семь, будто окутанных завесой сна – «нереальных» (Traumbilder) (в начале пьесы все они перечисляются автором, хотя в дальнейшем отличить их, даже по смене обычной прозы на ритмическую, оказывается не сложно). Именно в «нереальных» картинах наиболее явственно отображается процесс внутреннего поиска и изменения главного героя – Фридриха.

В начале все внимание сосредотачивается на теме войны. Описание ужасов, связанных с ней наводит на мысль о конце света. Мертвецы оживают (картина 4 «Между проволочными заграждениями»), главный герой сравнивает себя с Агасфером, обреченным на неприкаянное странствие по земле до Второго пришествия. Появление Агасфера должно предвещать беду, в то же время оно дает повод задуматься о том, что время Страшного суда настало. В соответствии с представлениями христиан, после суда происходит воскрешение праведников для новой жизни – их долгожданное и окончательное обновление. Тема суда в драме не затрагивается – скелеты восстают из мертвых лишь для того, чтобы рассказать об ужасе и грязи войны. Тема обновления, напротив, присутствует постоянно на протяжении всего действия.

Главный герой – Фридрих – позиционируется как «новый человек», однако его обновление происходит не сразу. Этому предшествует череда испытаний и мучительных сомнений.

Фридрих ощущает себя чужаком среди тех, кто имеет Родину и связь с окружающими, что позволяет чувствовать себя частью целого. Герой отмечает с горечью: «Они могут смеяться и радоваться. У них есть их земля, в которой они имеют корни» [Sie können lachen und frohen Herzens Tat tun. Sie haben ihr Land, in dem sie wurzeln...]. (С. 18) Одновременно с осознанием собственной чуждости Фридрих прямо высказывает нежелание быть частью общества, неприятие окружающей буржуазной действительности. Он с насмешкой говорит о своем успешном дядюшке, скрывающем за показной интеллигентностью и просвещенностью цепкую предприимчивость и умение делать деньги любыми способами.

В ответ на увещевания матери пойти на рождество в церковь, принять участие в божественной литургии Фридрих заявляет: «Скажи лучше, на службу людей, а не на службу Бога, из которого сделали застывшего бездушного судью, который написал единственную книгу закона и су-

дит по ней людей» [Oh, sag doch lieber zum Dienst der Leute, und nicht zum Dienst Gottes, aus dem Ihr einen verknöcherten, engherzigen Richter machtet, der ein einziges Gesetzbuch schrieb, nach dem er Menschen richtet]. (С. 19) Не такого Бога ищет Фридрих. Он не может жить в мире, где над людьми властвуют деньги и жажда наживы, где никто не заботится о душе. Своей матери он бросает упрек: «Ты заботилась обо мне деньгами...но что сделала ты для моей души?» [Du hast für mich gesorgt mit Geld... Was aber tatest du für meine Seele?]. (С. 19) В разговоре с Другом Фридрих заявляет: «Я не желаю вас. Я достаточно силен один, совсем один» [Ich will Euch nicht. Ich bin allein stark genug, ganz allein]. (С. 20)

Фридрих ищет свой путь.

«Преобразование» – это «драма состояний» («Stationendrama»). Сам путь и остановки означают, в первую очередь, не физическое перемещение в реальном пространстве, но служат символическим обозначением внутреннего, душевного развития, в ходе которого совершается постепенное преображение героя.

Ощущение собственной отчужденности мучительно для Фридриха. Он уходит добровольцем на войну в надежде, что его поступок будет по заслугам оценен на родине. «Теперь я смогу доказать, что я принадлежу к ним... Теперь Родина делает мне подарок» [Nun kann ich beweisen, daß ich zu ihnen gehöre... Nun beschenkt mich das Vaterland]. (С. 21) Несмотря на все свои старания, он все равно остается чужим. Однажды в разговоре солдаты открыто указывает ему на то: «Второй солдат: И если ты тысячу раз будешь воевать в наших рядах, ты останешься чужаком. Первый солдат: Проклятие висит над тобой, не имеющий родины» [Zweiter Soldat: Und wenn du tausendmal in unseren Reihen kämpfst, darum bleibst du doch der Fremde. Erster Soldat: Fluch hängt an dir, Vaterlandloser]. (С. 24) Однако такое же проклятие висит и над всеми остальными солдатами. Они не нужны

родине. «Первый солдат:...Мы все в конечном счете без родины...» [Erster Soldat:... Wir sind ja schließlich alle ohne Vaterland]. (С. 24)

Внутренний подъем вызывает в герое не только надежда избавиться наконец от своего мучительного ощущения отчужденности, но и вера в возможность всеобщего единения. Он убежден, что время духовного возрождения вот-вот настанет: «Великое время родит нас всех для величия... Возродится дух...» [Die große Zeit wird uns alle zu Großen gebären... Auferstehen wird der Geist...]. (С.21) Однако очень скоро надежды разбиваются о военную действительность, шокирующую своей жестокостью, беспринципностью и бессмысленностью. Родина не ценит жертвы своих солдат, и солдаты очень скоро убеждаются в этом на собственном опыте.

За участие в рискованной операции, заранее обреченной на поражение и неминуемую гибель, Фридрих, оказавшийся и здесь добровольцем и чудом оставшийся в живых, получает наградной крест. Этот крест – лишь формальность, однако в драме он играет немаловажную роль. Являясь одним из основных христианских символов, крест, вполне обоснованно, наделяется дополнительными значениями и в драме.

В первый раз он появляется в тексте чуть раньше, когда Фридрих и другие бойцы, расположившись на ночлег, вдруг встречаются с обезумевшим солдатом. «Отведи его к человеку из Красного креста», – говорит Второй солдат, Первый отвечает ему на это: «Я спаситель, йоху! Теперь я иду в Красный крест. Красный означает, что кровь должна быть смыта» [Zweiter Soldat: Führ'ihn zum Mann des Roten Kreuzes... Erster Soldat: Ich bin der Erlöser, juchhe! Jetzt gehe ich zum Roten Kreuz. Rot bedeutet, daß Blut abgewaschen werden soll]. (С. 25) Слова Первого солдата являются непосредственной аллюзией на земной путь Иисуса Христа. Только в драме все представлено на ином, более низком уровне. Это почти издевка: «спаситель» оказывается по сути убийцей, действующим не по своей воле, но по принуждению слепого государственного аппарата. Он ведет в Красный

крест безумца, вышедшего из пустыни. Не пародийными оказываются только страдания человека, научившегося утолять жажду собственной кровью. («Фридрих: Вот вода. Безумец: Я пью свою собственную кровь, мне не нужна твоя...» [Friedrich: Hier nimm Wasser. Irrer: Sauf mein eignes Blut, brauch nicht deines...]. (С. 24))

По окончании разведывательной операции единственного оставшегося в живых, Фридриха находят привязанным к дереву. «Сестра: Вас нашли привязанным к дереву... Фридрих: Не к кресту...» [Schwester: Man fand Sie an einen Baum gebunden... Friedrich: Nicht an ein Kreuz...]. (С. 29) После описанного выше разговора солдат и встречи с безумцем вопрос Фридриха уже не вызывает удивления. Его смерть могла бы выглядеть как мученическая жертвенная смерть Христа. Однако не менее очевидным, чем параллель с библейским сюжетом, оказывается снижение самих образов и их значения.

Итак, над кроватью Фридриха в лазарете висит распятие, сестра из Красного креста заботится о нем, в награду за совершенный подвиг героиня получает наградной крест. Крест символизирует включение Фридриха в круг соотечественников. При этом он является символом страдания и искупления. Героине приходится выстрадать право считаться своим. Заканчивается одна часть пути и вместе с ней военная служба Фридриха. Сходство с Агасфером остается в прошлом. Еще в лазарете в бреду Фридрих «отгоняет» от себя образ вечного неприкаянного странника: «...я тебя не знаю...кто ты...Агасфер...убогий...возвращайся...в страшные удушающие города, здесь ты не найдешь трущоб...я иду не с тобой...» [...kenne dich nicht...wer bist du...Ahasver...Armseliger...schleich dich zurück...in alpkeuchende Städte, hier findest du nicht Höhlen...ich wandre nicht mit dir...]. (С. 28) Отныне, перестав быть чужаком, Фридрих понимает, что больше не хочет преодолевать свою отчужденность, теперь не он чужой, но мир, окружающий его, оказывается чуждым. «Десять тысяч мертвецов!.. Это освобожде-

ние? Это великое время? Это великие люди?» [Zehntausend Tote!..Ist das Befreiung? Ist das die große Zeit? Sind das die großen Menschen?]. (С. 29) Фридрих постепенно приближается к убеждению в необходимости не подстраиваться под окружающий мир и сливаться с ним, но менять его.

Теперь все чаще появляются указания, позволяющие сравнивать путь героя со страстным путем самого Христа. Три ночи Фридрих проводит в беспомысленности. Когда, наконец, приходит в себя и видит склонившуюся над ним медицинскую сестру, спрашивает: «Ты мать Божья?» [Bist du die Mutter Gottes?]. (С. 28) Чуть позже он называет ее «носителем креста» [Kreuzträgerin], «возвестительницей любви» [Verkünderin der Liebe]. (С. 29) Крест красный оттого, что кровь смывается, – эта ассоциация запомнилась Фридриху после встречи с безумцем и услышанного разговора солдат. Любовь и мир должно нести в себе все, что так или иначе даже косвенно и символически связано с Богом.

Отношение к религии в драме оказывается весьма неоднозначным. Герои ни разу не выступают с критикой по отношению к вере или церкви. Тем не менее, они неоднократно выражают недовольство тем, что за показной набожностью или громкими проповедями скрывается пустота. Человек приобретает невероятную самостоятельность, и все же его силы не безграничны. «О Боже!» – восклицает Фридрих, когда пытается утешить мечущегося в беспомысленности раненого. (С. 23) «Боже мой!» – снова невольно вырывается у него возглас, когда появляется обезумевший солдат. (С. 25) Человек обращается к Богу, будто по инерции, когда реальность окончательно выходит за рамки его понимания. Но этот призыв остается без ответа, надеяться приходится на собственные силы.

Интересной в этой связи представляется шестая картина, в которой одним из действующих лиц становится священник. В картине представлены современные «достижения науки и техники» – искалеченных солдат с помощью многочисленных протезов «пробуждают к новой жизни» [Zu

neuem Leben auferweckt]. (С. 31) Раньше это были лишь куски мяса – теперь это полноценные члены общества, по мнению врача. Ответом ему могут служить слова одного из калек: «Моя душа умерла от отвращения» [Meine Seele starb vor Ekel]. (С. 32) Однако врач, с голым черепом вместо головы, не считает нужным задумываться над этой проблемой.

Медицинские светила не могут вернуть калекам покой и радость жизни. Остается надежда утешиться верой. Священник приходит, чтобы подарить несчастным успокоение. «Спасителя несу я вам, – говорит он, протягивая вперед распятие. – Он знает о ваших трудах и страданиях – / О, придите к нему... / Он даст вам исцеление, даст вам любовь» [Den Heiland bring ich euch...Er weiß um euer Müh und Leiden – / O kommt zu ihm... / Er gibt euch Heilung, gibt euch Liebe]. (С. 33) (Интересно также, что спаситель Христос обозначается словом «Heiland», а не «Erlöser», как называет себя солдат в разговоре с Фридрихом). В ответ на призвание священника калеки спрашивают, как же мог Он допустить все это и почему Он не может лишить несчастных страданий, лишив их этой жизни. «Вы богохульствуете», – отвечает священник. [Ihr lästert]. «Это Он богохульствует по отношению к нам, / Если хочет заставить нас верить, / Что знает о наших страданиях», – отвечают калеки. [Er lästert an uns, / Wenn er uns glauben machen will, / Daß er um unser Leiden weiß!] (С. 33) В этих словах скрыто столько боли и ужаса, столько сочувствия и любви к человеку, что действительно сложно упрекать говорящих в каком-либо неуважении или пренебрежении по отношению к Богу. Человек вынужден терпеть нечеловеческую боль, поэтому его упрек уже не звучит как богохульство. Человек почти уравнивается в страданиях с самим Христом.

Священник ничего не может возразить. Он пришел утешать, но при этом сам нуждается в утешении. [Wie könnt ich, selber trostbedürftig, den Trost euch spenden, / Nach dem mich brennender, denn euch verlangt?]. (С. 33) Слишком велико людское страдание – религия и вера не могут уменьшить

его. Священник ломает крест и падает на колени перед калеками. Время слепого поклонения и почитания святынь прошло. Он впервые задумывается о том, что что-то важное изменилось. «О Иисус, твое учение исказили – / Как иначе дошло до того, что оно бессильно искрошилось» [O Jesus, deine Lehren sind verstümmelt – / Wie gings sonst zu, daß kraftlos sie zerbröckeln]. (С. 33) Изменения, однако, судя по всему, произошли не в учении, а в сознании людей.

В разговоре Фридриха с искалеченной женщиной в седьмой картине с подчеркнутой издевкой излагаются привычные основы веры: Бог любви, сострадания и благодеяний обещает спасение и благословение беднякам после смерти. Эти обещания не могут утешить страждущих. Нищим Бог представляется стоящим за дирижерским пультом и осыпаемым конфетти на празднестве богачей. Страдания достигли того уровня, когда вместо веры появляется лишь один вопрос – как Бог мог все это допустить. Проходя по улицам и прося милостыню, они продолжают автоматически повторять: «Господь да пребудет с вами» [Jesus sei mit Euch] (С. 38), но в этих словах не слышно и проблеска веры и надежды на Бога.

После встречи с нищими Фридрих снова вспоминает об Агасфере – проклятом Богом вечном страннике, – за которым он должен следовать. Желание идти за ним звучит как протест против всего, что окружает в действительности, против продавшей государству церкви и одновременно против допустившего весь этот кошмар творца.

Назрела необходимость перемен и обновления. Но, что знаменательно, сущностью обновления становится возврат к прошлым идеалам. Стоит отметить, что христианское обновление является, по сути, также возвратом к идеалу, утерянному человеком вместе с раем.

Седьмая картина завершается разговором Фридриха с Сестрой. Как тогда в лазарете героя оберегала Сестра из Красного креста, так теперь спасительницей, предотвращающей попытку самоубийства героя, стано-

вится также Сестра. Из ее уст звучат очень важные для Фридриха слова: «Твой путь ведет тебя к Богу... К Богу, который есть дух, любовь и сила, / К Богу, который живет в человечестве. / Твой путь ведет тебя к людям» [Dein Weg führt dich zu Gott...Zu Gott, der Geist und Liebe und Kraft ist, / Zu Gott, der in der Menschheit lebt. / Dein Weg führt dich zu den Menschen]. (С. 40) Бог по-прежнему остался в сознании людей воплощением любви и благодатной силы, но изменилась «позиция» человека по отношению к нему. В соответствии с библейскими представлениями, человек есть создание Божье, созданное по Его образу и подобию. Человек грешен, и грех зияющей пропастью отделяет его от Божественной благодати. Лишь обновляясь и преображаясь по воле Бога, он может частично преодолеть эту пропасть, обрести вновь подобие Божие. В драме, скорее, не человек тянется к Богу, но Бог пребывает в человеке.

Седьмая картина становится осевой, центральной. После разговора с Сестрой в жизни героя происходят важные изменения – начинается процесс его внутреннего обновления. Желаящий идти к людям должен, в первую очередь, открыть человека в самом себе. [Wer zu den Menschen gehen will, / Muß erst in sich den Menschen finden]. (С. 40)

Девятая «нереальная» картина в пятой части драмы названа «Смерть и воскресение» («Tod und Auferstehung»). Один из заключенных, за которым скрывается сам Фридрих, совершает самоубийство – падает в лестничный пролет и распластывается на полу в позе распятого. Человек будто уподобляется Христу в своих страданиях. «Мы соединены в страдании» [Wir sind vereint im Leiden] (С. 44), – восклицают заключенные – свидетели разыгрываемой сцены. Объединены не только между собой, но и с самим Богом. На призыв сторожа покаяться герой, еще едва живой, отвечает: «Вы заучили неверно. / Не римляне прибили его к кресту / Он сам распял себя» [Ihr lerntet Irrwahn. / Nicht Römer schlugen ihn ans Kreuz / Er kreuzigte sich selbst]. «Мы сами прошли болезненными остановками / И посылаем

детей / К собственному распятию...» [Wir selber gingen schmerzende Stationen / Und schicken Kinder aus / Zur eignen Kreuzigung...]. «Ребенку мы в наименьшей степени / Можем стать спасителями... / Беспомощно мызираем на страстной путь...» [Dem Kind am wenigsten / Erwachsen wir als Retter... / Hilflose schaun wir dem Passionsweg zu...]. (С. 44, 45) Эти слова ужасают стража тюрьмы, он призывает Божью Матерь простить умирающему его богохульство. Однако и это не смущает заключенного. Он считает Богоматерь такой же беспомощной и несчастной матерью, как и всех других женщин, вынужденных оплакивать своих детей. [Auch sie ist hilflos. / Lügt ein zitterndes Vergeben. / Wird ewig ihren Sohn beweinen, / Und daß sie's tut, / Nur darum ist sie rein und unbefleckt]. (С. 45)

Заключенный пытается своим поступком указать путь другим: «Возможно, распятым можно спастись, / Воскреснуть для высшей свободы» [Vielleicht, gekreuzigt kann es sich erlösen, / Zu hoher Freiheit auferstehen]. (С. 45) Распятие и воскресение воспринимаются здесь вполне в духе христианства как освобождение от земной жизни и ее страданий для новой вечной жизни. Однако реализация идеи выглядит скорее как страшная пародия на сюжет, описанный в Евангелиях. И все же новая жизнь начинается: в тюрьме на глазах у несчастных узников появляется на свет младенец – ребенок погибшего. Это событие символизирует начало новой жизни на земле.

Эту мысль подтверждает следующая десятая сцена. В ней поднимается из могилы Странник (с лицом Фридриха). «Я чувствую, будто сегодня / Я впервые родился... / Судья стал Обвиняемым, / Обвиняемый стал судьей. / И оба, прощая, протягивают друг другу окровавленные руки» [Mir ist, als ob ich heut / Zum erstenmal erwache... / Der Richter ward zum Angeklagten, / Der Angeklagte ward zum Richter. / Und beide reichen sich verzeihend blutbefleckte Hände]. (С. 46) Сбылось предсказание Сестры: обвиняемый стал судьей, а судья – обвиняемым. Странник восстает из могилы. Он

будто стал свидетелем Страшного последнего суда, при этом Бог оказался на месте человека, а человек на месте Бога. Они протянули друг другу окровавленные руки, будто в знак равенства перенесенных страданий. После этого видения Странник вновь оказывается на земле среди людей – именно здесь должно начаться обновление. Основными его условиями являются возрождение веры в человека и любви – ведь и Бог есть любовь. При этом «верховенство» Бога над человеком не отрицает.

В разговоре со Студенткой в одиннадцатой картине Фридрих восклицает: «Служи духу, служи твоему Богу» [Diene dem Geist, diene deinem Gott]. (С. 51) Вскоре к нему подходит человек со словами: «Вы позорите Бога» [Sie schänden Gott]. «Я прославляю его» [Ich heilige ihn] (С. 52), – отвечает герой. Он больше не чувствует себя чужим, потому что находит свои корни внутри самого себя [ich wurzle in mir]. (С. 57) «Опора» на внутренние силы заставляет вспомнить о внутреннем духовном человеке, о котором так много говорилось в учении апостола Павла и сочинениях его последователей.

«И вы могли бы быть людьми, если бы поверили в себя и людей, – обращается Фридрих к собравшемуся народу, – если бы вы были преисполнены духа» [Und ihr könntet doch Menschen sein, wenn ihr den Glauben an euch und den Menschen hättet, wenn ihr Erfüllte wäret im Geist]. (С. 60) В словах Фридриха звучит боль. Он видит в собравшихся измученных, подавленных, озлобленных, но одновременно хороших изначально людей. «Я знаю, – продолжает он, – о вас, молодые люди, о вашем поиске Бога» [Ich weiß um euch junge Menschen, um euer Suchen nach Gott]. (С. 59) Взволнованные словами Фридриха, люди смотрят в небо, протягивают вверх руки. Именно этого просветления ожидал герой. До этого он укорял своих слушателей, что они превратили Бога в безликий культ. «Вы вырезали Иисуса Христа из дерева и прибили к деревянному кресту, потому что вы сами не хотели идти крестным путем, который привел его к спасению... [Ihr habt

Jesus Christus in Holz geschnitzt und auf ein hölzernes Kreuz genagelt, weil ihr selbst den Kreuzweg nicht gehen wolltet, der ihn zur Erlösung führte...]. (С. 59)
Фридрих «открывает» Бога в людях. Они должны обратиться внутрь себя, преисполниться духом, освободиться от власти машин. Переживший смерть и рождение в «нереальных» картинах, Фридрих становится первым «новым человеком» и пророчит скорое рождение «нового человечества» – «Так корчится сегодня земля... разорванное кровавое лоно, чтобы родить новое человечество» [So wälzt sich heute die Erde...Zerrissener, blutiger Schoß, um neu zu gebären die Menschheit]. (С. 54)

Фридрих старается бороться с пережитками прошлого: против стесняющих свободу тесных рамок семейного и общественного порядка, против подавляющей власти денег и машин, против стремления превратить человека в бездумный слепой механизм, лишенный души и поставленный на службу государственного аппарата. Так должно выглядеть обновление жизни на земле. Христианские представления о страданиях и искупительной жертве Христа, об обновлении и очищении через веру в Бога претерпевают, таким образом, некоторые изменения. В экспрессионистской драме человек становится самостоятельным действующим субъектом. На него возлагаются надежды, когда кажется, что Бог бессилён. Своими страданиями человек уподобляется Иисусу Христу, он наделён духом, возвышающим его над всем, что существует на земле. Именно в возврате к этой духовности, обретении истинного человеческого лица заключается суть обновления.

---

¹ Эдмунд К. Экспрессионизм в поэзии // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М., 1986. С. 311. На нем. яз.: *Edschmid K. Über die dichterischen Expressionismus* // Экспрессионизм / сост. Н.С. Павлова. М., 1986. С. 331. «Es gab Expressionismus in jeder Zeit. Keine Zone, die ihn nicht hatte, keine Religion, die ihn nicht feurig schuf. Kein Stamm, der nicht das dumpfe Göttliche damit besang und formte»

² Эдмунд К. Указ. соч. С. 310. *Edschmid K. Op. cit. S. 330: «eine Etappe ist zu Gott».*

---

³ Эдмунд К. Указ. соч. С. 306–307. *Edschmid K.* Op. cit. S. 326–327: «Jeder Mensch ist nicht mehr Individuum, gebunden an Pflicht, Moral, Gesellschaft, Familie. Er wird in dieser Kunst nichts als das Erhebendste und Kläglichste: er wird Mensch... Er ist nicht un-, nicht übermenschlich, er ist nur Mensch, feig und stark, gut und gemein und herrlich, wie ihn Gott aus der Schöpfung entließ...So kann er sich steigern und zu Begeisterung kommen, große Ekstasen aus seiner Seele aufschwingen lassen. Er kommt bis an Gott als die große, nur mit unerhörter Ekstase des Geistes zu erreichende Spitze des Gefühls».

⁴ *Däubler Th.* Expressionismus // Theorie des Expressionismus / Hrsg. von Otto F. Best. Stuttgart, 1976. S. 53.

⁵ *Toller E.* Gesammelte Werke. Bd. 2. Dramen und Gedichte aus dem Gefängnis (1918–1924). Berlin, 1978. S.12. Далее текст приводится по этому изданию с указанием страниц.